

Дитя монгольского погрома

К проблеме историчности князя Рюрика

© Федотова П. И.

© Fedotova P.

Дитя монгольского погрома. К проблеме историчности князя Рюрика

A child of mongolian mayhem. To problem of prince Rurik historical being

Аннотация. Впервые в отечественной историографии системно проанализирована источниковая база рюриковедения: где, когда, при каких обстоятельствах, в каких документах и нарративах появляются первые сообщения о варяжском князе Рюрике, которого по традиции считают родоначальником первой правящей династии на Руси. Исключительно позднее появление в источниках упоминаний о Рюрике свидетельствует о подложном характере варяжской генеалогии.

Annotation. The article represents the first in Russian historiography the study specifically aimed at identifying the source base of Rurik's research: where, when, under what circumstances, documents and narratives appear the first reports of the Varangian Prince Rurik, who is traditionally considered the ancestor of the first reigning dynasty in Russia. Exceptionally late appearance in the sources mentions about Rurik leads the author to the conclusion about the fraudulent nature of the varangian genealogy.

Ключевые слова. Варяжский князь Рюрик, древнерусские нарративы, научная критика источников, подложные генеалогии.

Key words. The Varangian Prince Rurik, the ancient Russian narratives, scholarly criticism of sources, fictive genealogy.

1

Вокруг фигуры варяжского князя Рюрика, легендарного основателя древнерусского государства, сложилась парадоксальная ситуация.

С одной стороны, это всемирно известный деятель русской истории, чья слава перешагнула национальные границы. Памятники Рюрику имеются не только в России, но и за рубежом¹. Но даже убежденные в историчности Рюрика вынуждены признать «крайнюю скудость» сведений о нем. Так, Е. А. Мельникова, для которой Рюрик «является реальным историческим лицом, скандинавом по происхождению», установившим контроль над северо-западным раннегосударственным образованием,

¹ На сегодняшний день существует четыре памятника князю Рюрику, три из которых — в России, один — в Швеции. Самый первый памятник Рюрику Варяжскому установлен в Великом Новгороде в 1862 г. (фрагмент монумента Тысячелетию России); в 2004 г. — в городе Приозерске (бывшая крепость Корела); в 2015 г. — Рюрику и Олегу в Старой Ладогe. В 1960-е гг. памятник-фонтан первым русским князьям Рюрику, Олегу и Игорю появился в шведском городе Норрчепинге.

признает: «...сведения источников о нем настолько скудны, что позволяли сомневаться в самом его существовании» [28. С. 147, 143]. Мельниковой вторит Е. В. Пчелов, отмечая, что о раннем периоде русской истории «письменных источников крайне мало», и каждый из них «на вес золота» [39. С. 16]. Другой историк-норманист, Д. М. Володихин, сравнивает объем написанного вокруг «ничтожных по объему свидетельств» о Рюрике с «городом, выстроенным вокруг яблони» [5. С. 7]. Как заметил один из представителей скептической школы, «история трех братьев заключается в трех словах: пришли да и умерли» [35. С. 461]. Таким образом, Рюрик — всемирно известная фигура, о которой ничего не известно.

Второй парадокс связан с историографической традицией. Казалось, первый долг добросовестных историков — установить источниковую базу, т. е. выявить круг источников (прежде всего, письменных), в которых содержатся какие-либо сведения о данном лице. Вместо этого историки, слепо доверяя летописи, вот уже без малого триста лет спорят о происхождении Рюрика. Кем он был: шведом, финном, датчанином, фризом, пруссом, славянином? В результате вместо критики источников мы имеем внушительный список работ по проблеме происхождения варяжских князей². Не решив в точности, был ли Рюрик, ученое сообщество с упоением предается спорам о его родине и этнической принадлежности. Но может ли иметь национальность вымышленное лицо?

Ведь целый ряд историков (М. Т. Каченовский, Д. И. Иловайский, В. А. Пархоменко, А. Л. Никитин) решительно отрицали реальность этого летописного персонажа — на основании отсутствия упоминаний о нем в домонгольский период. Проблема историчности Рюрика в науке все же существует, несмотря на все старания игнорировать ее. Но, как ни парадоксально, до сих пор нет ни одного исследования, специально посвященного выяснению источниковой базы рюриковедения: где, когда, при каких обстоятельствах, в каких документах и нарративах появляются первые сообщения о варяжском князе Рюрике, которого по традиции считают родоначальником первой правящей династии на Руси.

2

У многих сама постановка такого вопроса может вызвать недоумение. Ведь главным (и, надо сказать, *единственным!*) источником сведений о Рюрике и призвании варяжских князей является знаменитая русская летопись — Повесть временных лет (ПВЛ). С нее начинается большинство русских летописных сводов. Главными из них являются первые

² В российской историографии этот список начинают историки XVIII в., спорившие о шведском, финском или славянском происхождении Рюрика с братьями (В. Н. Татищев, З. Байер, Г. Миллер, А. Шлецер, М. В. Ломоносов). В XIX в. к ним прибавилась фрисландская (Г. Ф. Голлман) и датская (Ф. Крузе) версии происхождения легендарного варяга [7; 18]. Точку зрения Ф. Крузе о датском Рюрике реанимировал в XX в. историк-эмигрант Н. Т. Беляев [3. С. 215—270]. Датскую версию в 1963 г. оспорил польский историк Х. Ловмянский [26. С. 221—249]. Против доводов Х. Ловмянского выступили в 1990 г. Х. Касиков и А. Касиков [15. С. 98—109]. В 2002 г. В. Е. Яманов в обзорной статье, подводя итог дискуссии, пришел к выводу, что вопрос на сегодняшний день не имеет однозначного решения [57. С. 127—137].

дошедшие до нас летописи конца XIV—XV вв.: Лаврентьевская (1377), Ипатьевская (XV в.), Новгородская первая младшего извода (XV в.), Радзивилловская (кон. XV в.). Давно и прочно установлено, что ПВЛ была создана в начале XII в. киевскими летописцами. Следовательно, по логике большинства исследователей, варяжское сказание о Рюрике и его братьях следует относить ко времени создания первой киевской летописи.

Однако здесь есть существенное «но». Во-первых, остается неизвестным авторство ПВЛ. Одни полагают, что автором Начальной летописи был монах Печерского монастыря Нестор, другие — игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр, третьи — что летопись создавал «коллективный Нестор», т. е. ряд сменявших друг друга лиц, в том числе и Нестор, и Сильвестр. Но главное в другом: кто бы ни был автором ПВЛ, *текст XII в. до нас не дошел*. Как выглядела летопись Сильвестра (последнего редактора или автора ПВЛ), сказать невозможно. В летописных сводах конца XIV—XV вв. мы имеем дело не с подлинником XII в., а с поздней компиляцией, прошедшей почти трехсотлетнюю обработку, об истории которой мы мало что знаем. Содержала ли летопись Сильвестра варяжскую легенду? Скорее всего нет. Ни один внелетописный памятник Древней Руси не содержит упоминаний о Рюрике и варяжском происхождении русских князей. (Более подробно об отсутствии источниковой базы у варяжского сказания в домонгольский период см.: [51. С. 171—180; 53. С. 75—88].)

Исходя из норм научного анализа источников, следует признать, что *первым документально зафиксированным летописным сообщением о Рюрике* является суздальская Лаврентьевская летопись 1377 г. Это означает, что первая известная летописная запись о Рюрике появляется не через 200 лет после предполагаемых событий IX в. (как уверяют сторонники историчности Рюрика), а через 500! Любой историк-профессионал понимает, что уникальное сообщение источника XIV в., не подтвержденное никакими современными известиями, не может служить достоверным свидетельством о событии пятисотлетней давности.

Разумеется, текст Начальной летописи, написанный в начале XII в. и известный лишь по поздним спискам XIV—XV вв., не может рассматриваться в качестве свидетельства, современного событиям IX в. Как в свое время предостерегал В. А. Пархоменко, без предварительного анализа такого текста нельзя «ссылаться на него и его хронологию как на какой-то своего рода “евангельский” текст, незыблемый и непреложный» [34. С. 106]. Его показания требуют обязательной проверки независимыми источниками информации. Но такой проверки летописная легенда о призвании варяжских князей не выдерживает.

Норманисты-рюриковеды, понимая отсутствие подтверждающих существование Рюрика свидетельств, постоянно прибегают к помощи дежурного аргумента. Дескать, молчание источников (аргумент *ex silentio*) ничего не доказывает, поскольку они могли просто не сохраниться. Ведь сколько их погибло во время монгольского вторжения или пожаров Москвы 1382, 1547, 1571, 1812 гг.! Но свидетельства о первых русских князьях — Игоре, Ольге, Святославе, Владимире — до нас дошли, несмотря

на монгольский погром и московские пожары. Их содержат самые разнообразные памятники: княжеские генеалогии, агиографические и богословские сочинения, литературные произведения, юридические и официальные документы. Существуют и сведения зарубежных источников, независимых от киевских книжников и московских пожаров.

Так, о первом киевском князе Игоре, «архонте Росии», мы имеем сведения: у императора Константина Багрянородного в его трактате «Об управлении империей» (сер. X в.), в «Истории» византийского хрониста Льва Диакона (70-е гг. X в.), в «Антоподосисе» итальянского дипломата, епископа Кремонского Лиутпранда (сер. X в.). В русских источниках: в «Слове о законе и благодати» Илариона (1039), «Памяти и похвале князю Владимиру» Иакова-мниха (50–70-е гг. XI в.), в Повести временных лет (нач. XII в.), «Слове о полку Игореве» (кон. XII в.). Имя Игоря значится и в русско-византийском договоре 944 г. (хотя этот документ в составе ПВЛ тоже нуждается в проверке на подлинность).

О жене Игоря, княгине Ольге, «архонтиссе Росии», имеются сведения у Константина Багрянородного в трактате «О церемониях византийского двора»; в немецкой хронике Продолжателя Регинона Прюмского; в русских источниках XI в.: Слове Илариона и Похвале Иакова-мниха; в посвященной ей житийной литературе.

О Святославе есть сообщения у Константина Багрянородного в трактатах «Об управлении империей» и «О церемониях», в «Истории» Льва Диакона, в византийской хронике Иоанна Скилицы (XI в.); в русских источниках: «Слове о законе и благодати», «Памяти и похвале Владимиру», в русско-византийском договоре 971 г.

Свидетельств не так много, но они есть; и, что особенно ценно, — они современны или ненамного отстоят от сообщаемых событий. О Рюрике же ничего не сообщает ни один источник с IX вплоть до конца XIII в. — ни древнерусский, ни иностранный.

Зарубежная традиция вообще не знает Рюрика Новгородского — как не известно ни по одному иностранному источнику и такое событие, как «призвание варягов». Рюрик становится достоянием европейской историографии только после публикации «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна (первое издание 1549 г.). Именно благодаря Герберштейну, который пересказал русские летописи и впервые познакомил с ними европейского читателя, варяжское сказание и князь Рюрик стали известны в Европе.

3

В силу отсутствия иностранных известий единственной источниковой базой в «деле Рюрика» выступают русские письменные памятники. Но самое первое упоминание о Рюрике с братьями и первое сообщение о призвании варяжских князей содержится *не в русских летописях, а в тексте переводной греческой хронике* — так называемом «Летописце вскоре» константинопольского патриарха Никифора (ок. 758–829 г., патриарх в 806–815 гг.). Это сочинение из разряда «малых хронографов»,

написанное в начале IX в. и дополненное продолжателями Никифора, через посредство болгарского перевода (кон. IX — нач. X в.) в XI в. появилось на Руси [36. С. 231—233; 4. С. 49—50]. В самой Византии хронограф Никифора был мало известен и использовался в роли справочного пособия по истории для нужд школьного образования. Зато на Руси он стал не только излюбленным кратким сводом событий всемирной истории, «но и был воспринят официальным летописанием как наиболее авторитетный труд» [37. С. 152]. Правда, как отмечал один из первых исследователей-текстологов этого памятника Н. В. Степанов, текст летописца, помещенный в составе Новгородской Кормчей (ок. 1279 — до 1293 г.), — не перевод, а переделка хронографика Никифора [46. С. 274]³. Эта русская переделка дополнена сообщениями о византийских, а также русских событиях, начиная с призвания варягов и до 1278 г. Понятно, что эти добавления являются поздней вставкой, поскольку Никифор, умерший в 829 г., не мог писать о последующих событиях.

Запись о Рюрике в этом источнике носит лапидарный характер: «...придоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи къ Варягомъ, реша: “земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетуть, поидете княжить и володеть нами”. И избрашася три браты с роды своими, старей Рюрикъ седе Новегороде, Синеусъ на Белеозере, Труворъ в Изборьске, от Адама лет 6370 [862]. По двюю лета Труфоръ и Синеусъ умре и прия всю власть в Руси Рюрик. ...В 12-е лето цесарства его Рюрикъ умре, дасть княжение Олгови сроднику своему и сына малаго Игоря» [32. С. 238].

Публикатор текста академик М. Н. Тихомиров отметил, что, хотя этот летописец находится в составе новгородского памятника, в нем почти нет новгородских известий, зато относительно много ростовских, в том числе редчайшие записи, относящиеся к 60—70 гг. XIII в., составленные современником событий. Отсюда он сделал обоснованный вывод, что русский материал хроники Никифора был почерпнут из ростовского (а не киевского!) летописания [49. С. 234—235].

Второй раз Рюрик фиксируется через сто лет — в суздальской Лаврентьевской летописи (1377). Ее текст под 862 г. (точнее — после 861 г., в самой летописи год не указан) в отношении Рюрика представляет собой распространенную запись летописца Никифора: «Реша русь, чудь, словени и кривичи: вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет, да поидете княжить и володеть нами. И избрашася три брата с роды своими и пояша по себе всю Русь. И придоша старейшии Рюрик, а другии Синеоус на Белеозере, а третии Изборсте Трувор. ...По дву же лету Синеоус умре и брат его Трувор. И прия власть Рюрик и раздал мужем своим грады: овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро... Рюрику же княжаста в Новегороде» [24. С. 19—21]. Собственно, это весь рассказ о Рюрике и его братьях. Дальше говорится об Аскольде и Дире, об их воцарении в Киеве и походе на Царьград (866 г.). О Рюрике речь заходит

³ Современные исследователи относят его ко второй Распространенной редакции памятника, возникшей в конце XIII в. в период возрождения русской письменной традиции после монгольского нашествия [36. С. 233].

еще только один раз — в статье под 879 г.: «Оумершю Рюрикови предаст княженъе свое Олгови от рода им суца, вдав ему сын свои не руце Игоря, бысть бо детеск вельми» [24. С. 22].

Таким образом, из 17 лет «правления» Рюрика описан только первый (862) и последний (879) год. Последний — только чтобы сообщить о его смерти и наличии малолетнего сына. При этом 13 лет из этих 17-ти — «пустые», без сообщений о каких-либо событиях (863—865, 867, 870—878 гг.). Под 866 г. говорится об Аскольде и Дире, под 868 г. — о начале царствования византийского императора Василия, под 869 г. — о крещении Болгарии. Летописцу явно нечем было заполнить годы псевдоправления Рюрика, что изобличает выдуманный характер всего рассказа⁴.

Ко времени создания Лаврентьевской летописи относятся и первые литературные отражения династической легенды о Рюрике. В науке утвердилась точка зрения, что первым упоминанием князя Рюрика во внелетописных источниках является «Задонщина» — литературное произведение, посвященное победе русских войск в Куликовской битве. О времени написания этой поэмы, принадлежащей перу старца Софония, долгое время велись споры. Однако академик М. Т. Тихомиров (1947), а вслед за ним историк-славист А. В. Соловьев (1958) убедительно обосновали датировку этого произведения концом XIV в. Согласно Тихомирову, «Задонщина» создавалась между 1384 и 1393 гг. [48. С. 203]⁵, Соловьев пришел к выводу, что текст «Задонщины» был создан непосредственно после победы над татарами: осенью 1380-го или зимой 1380/1381 г. до разорения Москвы Тохтамышем [43. С. 186—189]. Исходя из такой датировки, историки относят дебют Рюрика на страницах внелетописных произведений к концу XIV в. Но такое умозаключение выглядит поспешным.

Текст «Задонщины» в авторском виде до нас не дошел. В распоряжении ученых имеются лишь поздние, к тому же испорченные при переписке и значительно разнящиеся в целом ряде эпизодов и выражений списки конца XV—XVII вв. [43. С. 183; 2. С. 194]. Всего их известно шесть, но сюжет с перечислением первых князей содержится только в четырех. В самом раннем из дошедших — списке Кирилло-Белозерского (К-Б) монастыря (1470—1480-е гг.) — первым князем указан Рюрик. В нем говорится, что «вещи Боян... пояше славу русскимъ княземъ, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю, и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимировичю» [1. С. 233].

⁴ Не говоря уже о том, что согласно археологически установленным фактам Новгорода, Белоозера, Ростова и Полоцка в IX в. не существовало. Никто не мог приглашать князей ни в Новгород (еще не существовавший), ни в Ладогу, поскольку последняя представляла собой небольшое поселение догородского типа на сотню-полторы жителей. Появление же надплеменных структур управления требует гораздо большей численности населения (не менее 5 тыс. человек). Ни Приильменье, ни Ладога не обладали в IX в. необходимым для этого демографическим потенциалом. См. об этом: [52. С. 31—48].

⁵ Г. И. Моисеева подкрепила выводы М. Н. Тихомирова дополнительными историко-географическими соображениями, придя к заключению, что текст «Задонщины» был создан до 1392 г. [30. С. 225—227]. В. А. Кучкин уточнил дату — до 1388 г., а в более поздней работе — до 1385 г. [22. С. 118; 23. С. 349].

В списке Исторического музея (список И-1; кон. XVI — нач. XVII в.) имя песнопевца XI в. Бояна заменено на нарицательное «боюн», Рюрик отсутствует, а первым князем назван Игорь: «Тот боюн... пояше княземъ рускимъ славы, первую славу великому князю Игорю Рюриковичю, великому князю Владимиру Святославичю киевскому, третью великому князю Ярославу Володимировичю» [1. С. 237].

В наиболее полном списке Ундольского (У; сер. XVII в.) какой-то малограмотный писец заменил непонятого ему «вещего Бояна» на «вещанного боярина», Игоря наделил экзотическим отчеством «Бярикович», напутал и отчество Владимира Святославича: «Тот боярин... пояша руским князем славу, первому князю киевскому Игорю Бяриковичю и великому князю Владимиру Всеславьевичу киевскому и великому князю Ярославу Володимировичю» [1. С. 243—244]. (Как предполагал А. В. Соловьев, эти ошибки могли возникнуть из-за того, что поэма записывалась с голоса, а не с писаного текста.)

Наконец, в Синодальном (список С), белорусском по происхождению списке (XVII в.) вновь появляется Рюрик: «...пояше руским князем похвалу: первому князю рускому на земли киевской Рурику, великому князю Владимиру Светославичю, великому князю Ерославу Володимировичю» [1. С. 250].

Таким образом, три списка из четырех в числе князей называют Игоря Рюриковича (за исключением самого позднего — Синодального), при этом два (К-Б и С) первым князем называют Рюрика, а два (И-1 и У) — Игоря Рюриковича (в списке У — Бяриковича, что свидетельствует о том, что отчество это было отнюдь не «на слуху»).

Здесь возникает непростой вопрос: какое из чтений является первичным? В пользу Кирилло-Белозерского варианта свидетельствует как будто фактор времени (древнейший и хронологически ближайший к оригиналу). Однако известно, что переписчик Кирилло-Белозерского монастыря монах Ефросин вносил значительную редактуру в переписываемые им произведения, в том числе в первоначальный текст Софония. (Даже само название «Задонщина», отсутствующее в остальных списках поэмы, дано Ефросином [12. С. 232].) Поэтому древнейший Кирилло-Белозерский список «резко отличается по тексту от остальных списков, более поздних — XVI и XVII вв.» Учитывая особенности работы Ефросина, Д. С. Лихачев делает вывод, что «в древнейшей рукописи вовсе не обязательно должен быть древнейший и лучший текст» [25. С. 331—332]. Склонный к авторской правке текстов, Ефросин вполне мог и «исправить» оригинал Софония в определении первого князя. Иначе трудно объяснить, почему в некоторых списках Рюрик отсутствует. Таким образом, в силу значительных расхождений в источниках и отсутствия оригинала вопрос о том, упоминался ли Рюрик в первоначальном тексте Софония, следует оставить открытым.

Сегодня можно говорить лишь о вероятном появлении в «Задонщине» Софония отчества «Рюрикович» — в отношении первого киевского князя Игоря. А вот имя Рюрика впервые достоверно фиксируется в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» 70—80-х гг. XV в.

По характерным для Ефросина речевым оборотам («Задонщина», «мамаевщина», «тохтамышевщина») исследователи атрибутируют ему и составление Кирилло-Белозерского летописчика середины XV в. — самого раннего из дошедших до нас кратких летописчиков этого монастыря [12. С. 232]. Однако текст этого ефросинова летописчика *не содержит никаких упоминаний о Рюрике и варягах*. Он начинается с записи о смерти князя Владимира 15 июля 6523 (1015) г. [10. С. 22—27]. Текст «Задонщины» Ефросин переписывал около 1480 г., т. е. позднее, чем летописчик (50—60-е гг. XV в.). Характерно, что из трех кратких летописчиков XV—XVI вв. Кирилло-Белозерского монастыря — первого ефросинова (сер. XV в.), второго (30-е гг. XVI в.) и третьего (сер. 30-х гг. XVI в.: основной текст 1535 г., последние приписки 1536/1537 гг.) — запись о Рюрике имеется только в одном, самом позднем из них. В нем говорится: «Лета 6370 [862] приде Рюрик из Немец и сяде на Великий Новгород». При этом в начале летописчика указан и источник этих сведений: «выписано из летописца вкратце» [10. С. 31]. Сравнение текстов из Кирилло-Белозерского монастыря позволяет заключить, что даже в работах одного и того же переписчика Рюрик появляется не ранее конца XV в.

Эта текстологическая картина хорошо согласуется с историко-политическим фоном конца XIV—XV вв.

4

Преимущество исторического сознания, оборванная в XIII в., возобновилась лишь к концу века XIV. Москва осознала себя наследницей домонгольской Руси в эпоху Дмитрия Донского. Как отмечал Д. С. Лихачев, Дмитрий Донской первым стал на ту точку зрения, что Москва является наследницей Владимирского великого княжества. Во второй половине XIV и в начале XV в. Москва неустанно занята возрождением всего политического и церковного наследия древнего Владимира. В Москву перевозятся не только владимирские святыни, но и переходят те политические идеи, которыми в свое время руководствовалась великокняжеская власть во Владимире [25. С. 334].

Среди этих политических идей была и созданная еще в XII—XIII вв. в Ростово-Суздальском княжестве варяжская генеалогия, выводящая родословие русских князей от варяжского князя Рюрика. Еще в 1967 г. А. Г. Кузьмин отметил, что варяжское происхождение было династической легендой одних лишь Мономаховичей и в домонгольское время не принималось другими ветвями «рода русского» [21. С. 53]. Это верное наблюдение нуждается в уточнении: оно было «династической легендой» только младшей ветви Мономаховичей, идущей от седьмого сына Владимира Мономаха Юрия Долгорукого, правившего в Ростово-Суздальской земле. Через его потомков — владимиристо-суздальских князей она перешла по наследству московским князьям.

Вовсе не случайно хронологическое совпадение появления Рюрика в тексте суздальской Лаврентьевской летописи (1377) и Игоря Рюриковича в «Задонщине» (1380/1381). Лаврентьевская летопись создавалась

по заказу суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича, который приходился тестем великому московскому князю Дмитрию Ивановичу. Дмитрий Донской был женат на дочери Дмитрия Суздальского Евдокии и имел в этом браке двенадцать детей. Дмитрий Константинович после заключения этого династического союза стал сторонником Москвы и вместе с нижегородцами участвовал в Куликовской битве. В той или иной степени он должен был разделять политическую программу своего союзника и зятя. Наличие же у Дмитрия Донского продуманной политической программы, направленной на объединение всех русских земель (включая Литовскую Русь с принадлежащим ей Киевом), в свое время выяснил Л. В. Черепнин [56. С. 225—266]. Рюриково родословие как нельзя лучше подходило для этой цели: оно подводило историко-династическую базу под территориальные устремления Москвы.

Что касается автора «Задонщины» Софония, то, судя по тексту, он был близок князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому, двоюродному брату и ближайшему сподвижнику Дмитрия Донского, и являлся сторонником проводимой этими князьями политической линии. О «Задонщине» как рупоре московских политических идей, включавших идею династической и политической преемственности с киевским периодом независимости Руси, неоднократно писали исследователи [25. С. 334—341; 43. С. 190—197].

В конце XV в. — в период борьбы за Новгород (1470-е гг.), окончательного свержения ордынского ига (1480 г.) и создания централизованного государства — варяжская генеалогия приобретает характер официальной династической истории московских правителей, претендовавших на все наследие «варяго-русских» князей от Новгорода до Киева и от Полоцка до Мурома.

Неудивительно поэтому, что в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» Ефросина (ок. 1480 г.) Рюрик оказывается в числе тех князей, которым пел славу легендарный певец XI в. Боян⁶. Ведь основанный москвичом и последователем Сергия Радонежского Кирилло-Белозерский монастырь всегда был надежным оплотом московских великих князей, которые поддерживали самые тесные связи с обителью. Вплоть до того, что именно белозерский игумен Трифон освободил в 1447 г. московского князя Василия II (Темного) от крестного целования брату об отказе от московского княжения. И именно туда отправлял великокняжескую казну и свое семейство Иван III, отправляясь в 1480 г. на брань с татарским войском хана Ахмата. Важно и то, что основатель Кирилло-Белозерского монастыря преподобный Кирилл Белозерский, вероятнее всего, происходил из московского рода бояр Вельяминовых, которые вели свое происхождение от ростовского тысяцкого варяга Георгия Шимоновича. Основанной представителем варяжского рода обители сам бог велел радовать о варяжской генеалогии московских правителей.

⁶ Хотя «Слово о полку Игореве», откуда автор «Задонщины» Софоний черпал формулы и сюжеты для своей «славы» князьям Дмитрию Ивановичу и Владимиру Андреевичу, никаких упоминаний о Рюрике не содержит. Игорь Киевский в «Слове» упоминается без отчества, но с традиционным для древнерусской литературы эпитетом «Старый».

Окончательное утверждение «Рюриковой» генеалогии в качестве официальной династической истории приходится на правление Василия III. Законченный вид она приобретает в «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы и написанном на его основе «Сказании о князьях Владимирских»⁷.

В «Послании» Спиридона-Саввы говорится, что по совету новгородского «воеводы» Гостомысла новгородцы пригласили из «Прусской земли» «некоего князя именем Рюрика суца от рода римска царя Августа». «Князь же Рюрик прииде к ним в Новгород и име с собою два брата; имя единому Трувор, другому Синеус, а третий племенник именем Олег. И оттоле наречен бысть Новъгород Великий; и княжай в нем князь великы Рюрик» [38. С. 162]. Тот же рассказ о «князе великом Рюрике» из рода римского императора Августа, призванного на княжение новгородцами по совету Гостомысла, воспроизводит и «Сказание о князьях Владимирских» [42. С. 175].

Однако ни одно из этих произведений, хотя и возводит Рюрика в великокняжеское достоинство, а его происхождение ведет от Пруса — брата римского императора Августа, не содержит родовое имя «Рюрикович». Не употребляется в них и выражение «род Рюрика». По утвердившейся традиции псевдопотомки Рюрика именуются «великими князьями владимирскими» (в вариантах заглавия: «великих князей владимирских», «великих князей киевских», «владимер и московских», «владимерских и московских») [42. С. 171]. Новация была еще слишком свежа, чтобы сразу произвести неологизм «Рюриковичи»⁸.

Знаменательно, что в современной рюриковедческой литературе нигде не указывается, когда и в каких источниках появляется родовое имя «Рюриковичи». Случаев его употребления в литературных и летописных памятниках XIV—XVI вв. автору этой статьи так и не удалось отыскать⁹. Получается, что сами «Рюриковичи», вплоть до прекращения этой династии (как правящей) в конце XVI в., никогда не употребляли его как свое родовое имя! В отличие, скажем, от «Мономашичей» или «Ольговичей», которые нередко встречаются на страницах русских летописей.

Засвидетельствованные данные о первых случаях упоминания варяжского князя Рюрика и связанных с ним антропонимных производных можно представить в следующей таблице.

⁷ Общепринятой датировки (и атрибуции авторства) этих памятников на сегодняшний день не существует. Однако все списки — не ранее XVI в. Бесспорно, что оба произведения были созданы не ранее первой четверти XVI в. [9. С. 70—72; 14].

⁸ Исследователи не раз обращали внимание, что, хотя князья давно уже были «московские», на первом месте в своей титулатуре они сохраняли титул «владимирские» — настолько велика была сила традиции и консерватизм психологии средневекового человека. Если бы употребление патронима «Рюриковичи» было устоявшейся традицией, оно бы обязательно присутствовало в источниках.

⁹ Даже в «Степенной книге царского родословия», созданной на пике популярности «рюриковой генеалогии» во времена Ивана Грозного (1550-е гг.), патронимическое имя «Рюриковичи» не употребляется, хотя в родословии конкретных лиц скрупулезно указывается, в каком колене он родственник Рюрика, а легенда, возводящая Рюрика к роду «Августа кесаря», изложена дважды [47].

Исторические свидетельства о Рюрике

Что	Где	Когда
Первое упоминание о призвании русью, чудью, словенами и кривичами варяжского князя Рюрика с братьями в русских письменных источниках	В русских добавлениях к всемирной греческой хронике — «Летописце вскорѣ» патриарха Никифора (в составе Новгородской Кормчей)	Конец XIII в. (ок. 1279 г. — не позднее 1293 г.)
Первое упоминание о Рюрике и призвании варягов в собственно русских летописях	Судальская летопись монаха Лаврентия	Конец XIV в. (1377 г.)
Первое употребление отчества «Рюрикович» (в отношении киевского князя Игоря Старого)	«Задонщина» иерея Софония Рязанца	Конец XIV в. (1380/1381 гг. — до 1393 г.)
Первое упоминание варяжского князя Рюрика во внелетописных источниках	Список «Задонщины» монаха Ефросина Кирилло-Белозерского монастыря	Конец XV в. (1470—1480-е гг.)
Первое употребление патронима «Рюриковичи»	?	?
Первое изложение варяжской легенды о Рюрике в иностранных источниках	«Записки о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна	Середина XVI в. (1549 г.)

Таким образом, имя варяга Рюрика в русских письменных источниках впервые появляется через 400, а отчество «Рюрикович» — через 500 лет после якобы имевшего место «призвания варягов». Династическое же имя «Рюриковичи» вообще не встречается в источниках периода правления «Рюриковичей»!

Любого непредвзятого историка сопоставление этих дат может привести к однозначному выводу. Перед нами классический случай подложной генеалогии, сочиненной в XIII в. и активно внедрявшейся в общественное сознание с конца XIV в. Результатом полуторастолетней обработки умов и повсеместного насаждения вымышленной варяжской генеалогии стало ее официальное закрепление в XVI в. за правящей московской династией.

6

Следует удивляться не тому, что подложная генеалогия Рюриковичей в XVI в. утвердилась в качестве официальной династической истории (подложные генеалогии — заурядная практика средневековья), а причинам, по которым усилия научного сообщества до сих пор направлены на сокрытие этого очевидного факта.

Так, в «независимой» Википедии, наиболее посещаемом из электронных справочных изданий, утверждается, что «впервые имя Рюрика упоминается в “Житии святого князя Владимира”, написанном предположительно около 1070 года монахом Иаковом Черноризцем: “самодержцю всея Рускыя земля Володимеру, вѣнуку же Иолѣжину (княгини Ольги) а правнуку Рюрикову”. Самый ранний летописный свод из дошедших до нас, “Повесть временных лет”, был написан примерно на

сорок лет позже, и там подробно излагалась история варяга Рюрика» [41]. Автор статьи ссылается на мнение митрополита Макария (Булгакова), церковного историка XIX в., предположения которого давно отвергнуты как ошибочные. Во-первых, время канонизации Владимира точно неизвестно, но по наиболее обоснованной в науке датировке — не ранее XIII в. [27. С. 45—69; 13. С. 361]. Во-вторых, списки «Жития» (Сахаровский и Болотовский), которыми пользовался Макарий, относятся к XVI и XVII вв. [44. С. 8], а вовсе не к XI в. В-третьих, в агиографической традиции о святом равноапостольном князе Владимире четко прослеживаются изменения в его родословии.

В самом первом памятнике владимирского цикла — «Памяти и похвале князю Рускому Владимиру» Иакова-мниха (предположительно сер. XI в.) — Владимир аттестуется как «русский князь» и «князь всея Руския земля», «сын Святославль, внук Игорев», а также «внук Олжинъ», о его же варяжском происхождении ничего не говорится (см. Мусин-Пушкинский список (1414) [44. С. 17—18, 25], Егоровский список (1470-е гг.) [11. С. 67—68], Соловецкий список (1494) [45. С. 2—3]).

Такое чтение сохраняется во всех списках этого произведения — от самых ранних до позднейших. Аналогично в содержащейся в составе этого памятника Похвале княгине Ольге она и ее муж Игорь аттестуются как «русские» династы: «Та бо блаженная княгине Руская Ольга по смерти мужа своего Игоря, князя Руского» [44. С. 23; 11. С. 69].

В Проложном житии, древнейшие списки которого относятся к XIII в., Владимир аттестован уже как «сын Святославль, от племени варяжьска» [17. С. 199].

В Краткой редакции Обычного жития (древнейшие списки — нач. XVI в.) сохраняется начало Проложных житий: «Сеи бысть сынъ Святославль, от племени варяжьскаго, князь Володимерь» [17. С. 200].

Наконец, в трех списках Пространной редакции Жития (XV в.) читается: «Сице убо бысть маломъ преже сих лет, сущю самодержцю всея Руския земля Володимеру внуку же Иолжину, а правнуку Рюрикову» [44. С. 74; 11. С. 72; 45. С. 9].

Таким образом, Владимир проделал эволюцию от русского князя (источники до XIII в.) к варяжскому (с XIII в.), а напоследок стал «самодержцем всея Руския земля» и «правнуком Рюриковым» (XV в.). Налицо та же варяжская правка исходных текстов, которая с XIII в. наблюдается и в ряде других памятников древнерусской письменности [51. С. 173—174]. Авторам Википедии следовало бы знать, что текст Жития с фразой о Владимире как «правнуке Рюриковом» имеется только в списках начиная с XV в. и несет на себе отпечаток своего времени. Титул «самодержец всея Руския земля» применительно к русским правителям до XV в. не употреблялся. Он впервые появляется в XVI в. в титулатуре великого князя московского Василия III (1505—1533). Именование Владимира «самодержцем» и «правнуком Рюриковым» выдает редактуру XV в., когда Рюрика генеалогия обрела наконец права гражданства.

Что касается апелляции к летописной традиции — в частности к Повести временных лет — как свидетельству существования Рюрика, то она

некорректна. Рассмотрение ПВЛ — поздней компиляции конца XIV в. — как тождественной летописи Сильвестра начала XII в. банально нарушает научные нормы. Впрочем, автор статьи в Википедии не одинок.

7

Так, Л. П. Грот, одна из лидеров современного антинорманизма, отмечает всякие сомнения в историчности Рюрика все той же ссылкой на летописные тексты. По ее словам, «сохранилось достаточно много сведений в источниках», которые дают «логичную картину, раскрывающую смысл призвания Рюрика в Словенское княжение». И в качестве таковых исследовательница приводит Лаврентьевскую летопись (1377), Воскресенскую (XVI в.), Никоновскую (XVI в.), Иоакимовскую (XVII—XVIII вв.) [8. С. 133]. При этом Л. Грот умудрилась «не заметить», что все указанные «источники» отстоят от самого события на 500—800 лет! А за предыдущие 500 лет ни древнерусская, ни зарубежная традиции не знают ни Рюрика, ни призвания варягов! Любопытно, что сама Л. Грот искренне полагает, что она строго следует показаниям источников, забывая, правда, указать, где, в каких источниках IX — вплоть до конца XIII в. можно отыскать следы Рюрика и варяжской легенды.

Дело доходит до курьезов. Так, В. В. Фомин первое упоминание о варяге Рюрике в иностранных источниках приписывает Себастьяну Мюнстеру, автору знаменитой «Всеобщей космографии» — популярного энциклопедического справочника, содержащего историко-географические и этнографические сведения о разных странах и народах. По словам Фомина, в «Космографии» Мюнстера, вышедшей в 1544 г., подчеркнуто, что Рюрек (Rurek), в 861 г. приглашенный на княжение на Русь, был из народа «вагров» или «варягов» (Vagrii oder Waregi), главным городом которых являлся Любек [54. С. 377]. Но откуда Мюнстер, немецкий монах и ученый-гебраист, никогда не бывавший в пределах Руси, мог почерпнуть эти сведения? Ведь его «Космография», в том числе и раздел о Московии, — не самостоятельное исследование, а компиляция чужих текстов. В этом разделе своего труда Мюнстер преимущественно опирался на многократно публиковавшиеся трактаты польского историка Матвея Меховского («Трактат о двух Сарматиях», первое издание — 1517 г.) и итальянца Павла Йовия («О посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII», 1525), используя и другие сочинения второй половины XV — первой половины XVI в. (Альберта Кампенского, Антона Вида и др.) [20. С. 314]. Однако *ни в одном из них нет никаких генеалогических сведений о династии московских государей* и ни малейшего намека на Рюрика с его варягами! Предшествующие Мюнстеру авторы ограничивались географическими и этнографическими сведениями о Московской Руси, историко-генеалогических экскурсов их сочинения не содержат [29; 40]. Более того, как и Мюнстер, ни один из них никогда не посещал России.

В чем тут дело? А дело в том, что В. В. Фомин, хотя и апеллирует к изданию «Космографии» 1544 г., ссылается не на него, а на базельское

издание 1628 г. Известно, что сам Мюнстер (умерший в 1552 г.) вплоть до кончины вносил поправки и дополнения в свой труд; в последующие издания дополнения вносились уже редакторами текста [20. С. 313—314]. В последнем сделанном при жизни автора латинском издании «Космографии» 1550 г. *никаких сведений о варяжском князе Рюрике из Вагрии нет* [31. С. 331—341]¹⁰. Следовательно, это дополнение было внесено уже последующими редакторами. Его источник определить несложно: это все те же «Записки о Московии» С. Герберштейна. Именно ему принадлежит версия о тождестве варягов и вагров и происхождении Рюрика из Вагрии по соседству с Любеком [6. С. 60].

В. В. Фомин на основании этого псевдосообщения Мюнстера делает вывод о «широком хождении» сведений о Рюрике в европейском мире, приводя длинный список авторов, у которых имеется аналогичная информация [54. С. 377—378]. Увы, но все они относятся к XVII в. и попросту воспроизводят версию, впервые сформулированную Герберштейном (не исключая и пресловутые немецкие генеалогии XVII в.). В то время как публикаторы сочинений европейских авторов о России XVI в. неизменно подчеркивают, что еще в начале XVI столетия (к 1525 г.) о Московской Руси в Европе не знали «почти ничего» [19. С. 6—7], а те немногие сведения, которые все же поступали через русских послов и дипломатов, «оставались достоянием узких придворных кругов» при правительствах европейских государей [55. С. 42]. Поэтому убеждение Фомина в широком и давнем распространении рюриковой генеалогии в европейском мире является чистой воды фикцией¹¹. Первоисточником всех сведений о Рюрике для европейской аудитории выступал один-единственный автор — Сигизмунд Герберштейн.

8

В отличие от своих оппонентов, норманисты действуют более тонкими методами. Е. А. Мельникова как будто признает, что «*неисторичность*» Рюрика *опирается на факты*: отсутствие упоминаний о нем в письменных памятниках XI в. и неупотребительность имени «Рюрик» в княжеском именовании [28. С. 144]. Однако эти признания — лишь полуправда. О Рюрике нет упоминаний не только в письменных памятниках IX—XI вв. (т. е. за ближайшие к Рюрику 250 лет), их нет вплоть до конца XIII в. Имелись ли сведения о Рюрике в русских летописях XII—XIII вв., сказать невозможно, поскольку ни одна из них до нас не дошла. Однако на основании косвенных данных можно полагать, что никаких сведений о Рюрике в них не было — потому что их нет ни в одном вне-

¹⁰ Текст дан по изданию 1550 г. на латинском языке и в русском переводе.

¹¹ Достаточно сказать, что первая изданная в Европе карта России была сделана лишь в 1516 г. Следующие карты Московии выходили в составе различных сочинений европейских авторов с 1538-го по 1555 г. [40. С. 291]. Венский епископ Иоганн Фабри в 1525 г. утверждал, что происхождение, обычаи, нравы и религия москвитов были «до недавнего времени нам, немцам, неведомы» [50. С. 173]. Учитывая эти свидетельства современников, ни о каком «широком хождении» сведений о Рюрике в Европе до XVII в. не может быть и речи.

летописном источнике домонгольского периода. Невероятно, чтобы на протяжении 400 лет ни в одном древнерусском сочинении не нашел бы отражения сюжет с призванием варягов и не оказалось бы ни одного упоминания основоположника правящей династии.

Кроме того, мы имеем еще одно свидетельство против Рюрика. Это Киево-Печерский Патерик, точнее — «Сказание о святой чудотворной церкви Печерской Киевской» епископа владими́ро-суздальского Симона и его «Послание к печерскому монаху Поликарпу». Главными героями этого «Сказания» являются варяги из семейного клана Шимоновичей: бежавший на Русь сын варяжского князя Африкана Шимон и его сын, обрусевший варяг Георгий Шимонович. Именно варягу Шимону суздальский епископ Симон отводит главную роль в строительстве Печерской церкви (вопреки показаниям ПВЛ: там инициаторами выступают игумен монастыря Феодосий и киевский князь Святослав Ярославич). В своих сочинениях автор ни словом не обмолвился ни о Рюрике, ни о призвании варягов, ни о варяжском происхождении русских князей [16. С. 412—419, 476—485]. Невероятно, чтобы Симон, приложивший столько усилий для прославления варяжского рода Шимоновичей, не упомянул бы об их родстве с русскими князьями, если бы таковое имелось. Таким образом, откровенно проваряжское «Сказание» Симона ничего не говорит ни о Рюрике, ни о варяжском происхождении правящего русского рода.

А ведь сочинения епископа Симона датируются весьма точно. Симон умер в 1226 г., «Сказание о святой чудотворной церкви Печерской Киевской» написано в хронологическом интервале 1222—1226 гг., а «Послание к печерскому монаху Поликарпу» — между 1225 и 1226 г. [33. С. 394—395]. Следовательно, еще в середине 20-х гг. XIII в. даже столь информированный и обладавший широким кругозором церковный иерарх, как Симон (к тому же связанный с ростово-суздальским варяжским кланом), ничего не знал о варяжском происхождении правящих на Руси династов!

Анализ источников XIII—XVI вв. позволяет сделать вывод, что генеалогическая легенда о Рюрике, возникнув в XIII в., начала активно внедряться в летописные и внелетописные тексты лишь с конца XIV в. На всем протяжении этого периода до начала XVI в. сохраняется вариативность и неустойчивость в определении первого русского династа, что свидетельствует об отсутствии сложившейся традиции. В одних памятниках XIV—XVI вв. на первом месте в ряду князей стоит Игорь Киевский (что соответствовало древней летописной традиции), в других — Владимир Святославович, креститель Руси (что отражало церковную трактовку истории). Лишь постепенно, под давлением геополитических интересов христианская историография уступает место более прагматичным мотивам, и на первое место выходит ранее никому не известный Рюрик. Но только в 20—30-е гг. XVI в. его династическое первенство утверждается в качестве официальной догмы. Что касается патронима «Рюриковичи», то когда, кем и при каких обстоятельствах он был введен в общественный и научный оборот — еще предстоит выяснить.

Таким образом, временем рождения Рюрика следует считать не IX, а XIII в. Хотя, вероятно, сама варяжская фальшивка была создана раньше — в 40—50-х гг. XII в. в Ростово-Суздальской земле, где должность тысяцкого (главного налогового и силовика) занимал варяг Георгий Шимонович). В период монгольского погрома сочиненная греко-варяжскими фальсификаторами подложная генеалогия сначала аккуратно была внедрена в авторитетную на Руси греческую хронику патриарха Никифора, а затем и в русские летописи. Момент был выбран удачно: в национально-государственной катастрофе XIII в. погибли основные носители исторического сознания — около двух третей русской правящей элиты и масса городского населения, прежде всего на территории южнорусских княжеств, т. е. собственно Русской земли. Историческое сознание русского этноса в XIII в. было стерто, сильно поредевшее, неграмотное сельское население, руководимое церковью, черпало свои сведения о прошлом исключительно из церковных источников. Монгольский погром, варяжское лобби, интересы византийской иерархии русской церкви и политические устремления великокняжеской власти — вот истинные родители Рюрика и его пресловутых братьев.

Принятые сокращения

АЕ — Археографический ежегодник.

ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси.

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы.

Источники и литература

1. **Адрианова-Перетц В. П.** Задонщина (опыт реконструкции авторского текста) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6.
2. **Адрианова-Перетц В. П.** Задонщина. Текст и примечания // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5.
3. **Беляев Н. Т.** Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // Сборник статей по археологии и византиноведению. Прага, 1929. Т. 3.
4. **Ведюшкина И. В.** «Летописец вскор» патриарха Никифора с русским продолжением за X—XIII вв. // Письменные памятники истории Древней Руси / под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003.
5. **Володихин Д. М.** Рюриковичи. М., 2015.
6. **Герберштейн С.** Записки о Московии. М., 1988.
7. **Голлман Г. Ф.** Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его. М., 1819.
8. **Грот Л. П.** Призвание варягов: Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике. М., 2012.
9. **Дмитриева Р. П.** Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.
10. **Зимин А. А.** Краткие летописцы XV—VI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950. Т. 5.

11. **Зимин А. А.** Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения института славяноведения. М., 1963. № 37.
12. **Каган М. Д., Лурье Я. С.** Ефросин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1.
13. **Карпов А. Ю.** Владимир Святой. М., 2004.
14. **Карпов А. Ю.** «Послание о Мономаховых дарах» («Послание Спиридона-Саввы»). — <http://www.portal-slovo.ru/history/35623.php> (дата обращения: 07.08.2017).
15. **Касиков Х., Касиков А.** Еще раз о Рюрике новгородском и Рорике датчанине // Скандинавский сборник. Таллин, 1990. Т. 33.
16. Киевско-Печерский Патерик // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980.
17. **Клосс Б. М.** Житие князя Владимира // Письменные памятники истории Древней Руси / под ред. Я. Н. Шапова.
18. **Крузе Ф.** О происхождении Рюрика (преимущественно по французским и немецким летописям) // ЖМНП. 1836. Ч. IX. № 1 (Январь); 1836. Ч. X. № 6 (Июнь).
19. **Кудрявцев О. Ф.** Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997.
20. **Кудрявцев О. Ф.** Свод знаний о русских землях середины XVI в.: «Всеобщая космография» Себастиана Мюнстера // Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени: сборник трудов в честь В. М. Володарского. М.; СПб., 2016.
21. **Кузьмин А. Г.** К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.
22. **Кучкин В. А.** К датировке «Задонщины» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
23. **Кучкин В. А.** О термине «дети боярские» в «Задонщине» // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50.
24. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.
25. **Лихачев Д. С.** Избранное: Великое наследие; Заметки о русском. СПб., 1997.
26. **Ловмянский Х.** Рюрик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Вып. VII.
27. **Малышевский И. И.** Когда и где впервые установлено празднование памяти св. Владимиру 15 июля? // Труды Киевской духовной академии. 1882. № 1.
28. **Мельникова Е. А.** Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы: ежегодник. 1998 г. / отв. ред. Т. М. Калинина. М., 2000.
29. **Меховский М.** Трактат о двух Сарматиях / подготовка латинского текста, введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.; Л., 1936.
30. **Моисеева Г. И.** К вопросу о датировке «Задонщины» (наблюдения над пражским списком Сказания о Мамаевом побоище) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34.
31. **Мюнстер Себастьян.** Всеобщая космография // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы.
32. Никифора патриарха Цесаряграда летописец вскоре // **Тихомиров М. Н.** Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АЕ за 1960 год. М., 1962.
33. **Ольшевская Л. А.** Симон, владимиро-суздальский епископ // СККДР. Л., 1987. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.).
34. **Пархоменко В. А.** К вопросу о «норманнском завоевании» и происхождении Руси // Историк-марксист. 1938. № 4.
35. **Перемышлевский М.** О времени и причинах вероятного переселения славян на берега Волхова // Ученые записки Московского университета. 1834. № 9.
36. **Пиотровская Е. К.** «Летописец вскоре» патриарха Никифора // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. (XI — первая половина XIV в.).

37. **Пиотровская Е. К.** О третьей русской редакции «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора // Византийский временник. М., 1974. Т. 36.
38. Послание Спиридона-Саввы // **Дмитриева Р. П.** Сказание о князьях владимирских. М. ; Л., 1955.
39. **Пчелов Е. В.** Рюрик. М., 2012.
40. Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997.
41. Рюрик // Википедия. — <https://ru.wikipedia.org/wiki/Рюрик> (дата обращения: 01.08.2017).
42. Сказание о великих князях владимирских великия Русия / подг. текста и комментарии Р. П. Дмитриевой, пер. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 2000.
43. **Соловьев А. В.** Автор «Задонщины» и его политические идеи // ТОДРЛ. М. ; Л., 1958. Т. 14.
44. **Срезневский В. И.** Мусин-Пушкинский сборник 1414 года в копии начала XIX века // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1893. Т. 72. Прил. № 5.
45. **Срезневский В. И.** Память и похвала князю Владимиру и его житие по сп. 1494 г. // Записки Императорской Академии наук. Историко-филологическое отделение. СПб., 1897. Т. 1. № 6.
46. **Степанов Н. В.** «Летописец вскоре» патриарха Никифора в Новгородской Кормчей // ИОРЯС. СПб., 1912. Т. 17. Кн. 2.
47. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарий : в 3 т. / отв. ред.: Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2008. Т. 1—2.
48. **Тихомиров М. Н.** Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947.
49. **Тихомиров М. Н.** Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АЕ за 1960 год. М., 1962.
50. **Фабри И.** Религия москвитов // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы.
51. **Федотова П. И.** Варяжский миф русской истории // Экономический вектор. 2016. № 2.
52. **Федотова П. И.** Проблема происхождения Новгорода и варяжская легенда // Свободная Мысль. 2017. № 1.
53. **Федотова П. И.** Тысячелетняя фальшивка // Свободная Мысль. 2017. № 3.
54. **Фомин В. В.** Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории : сборник статей и монографий / сост. и ред. В. В. Фомина. М., 2010.
55. **Хорошкевич А. Л.** Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // **Герберштейн С.** Записки о Московии.
56. **Черепнин Л. В.** Договорные и духовные грамоты Дмитрия Донского как источник для изучения политической истории великого княжества Московского // Исторические записки. М., 1947. № 24.
57. **Яманов В. Е.** Рорик Ютландский и летописный Рюрик // Вопросы истории. 2002. № 4. ◆